

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

ИГОРЬ РОДИН

БАТАЛЬОН

«ДОНБАС»

ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА

Харьков
«ФОЛИО»
2019

*Всем бойцам отдельного батальона
специального назначения «Донбас»,
вставшим на защиту Украины летом 2014 года,
посвящаю эту книгу.*

От автора

Я долго не мог заставить себя сесть за написание этой книги. Меня не раз спрашивали о планах создания истории батальона. Сам я думал о серии статей. Написать историю — это огромный труд, которым можно заниматься, имея неограниченное время, возможность посетить большое количество людей, взять у них интервью, записать все воспоминания, мнения, суждения, мысли. При этом многое будет противоречиво, субъективно, что-то попросят не писать... Да, если писать все как было, то часть будет обижена, часть — оскорблена, кто-то скажет, что нельзя лить отдельную грязь (но куда ее деть?) на общее святое дело. Поэтому я принял решение написать в основном о личном пути в батальоне, затрагивая только те вопросы, на которые до сих пор не могу получить ответы или в которых буду пытаться разобраться сам. Постарался быть предельно

объективным и писать правду, надеюсь, что это получилось. Если я где-то был неточен или перепутал последовательность, то прошу не судить строго — дневник я не вел, о чем немного жалею. Буду рад получить любые отзывы от моих боевых товарищей, поскольку дни, проведенные в батальоне, считаю лучшими в своей жизни.

Игорь Родин

ВЗВОД СНАЙПЕРОВ

В 5-ю роту получил назначение на должность замкомроты один из офицеров батальона «Гайдамака», который вскоре сделал мне предложение перейти в формируемый взвод снайперов 2-м номером. Сам он уже принял решение о переходе и подыскивал себе напарника. Ожидался приезд командира взвода, который должен был пообщаться с каждым. Мне было сообщено, что от 2-го номера не потребуются снайперского мастерства уровня 1-го номера. Я дал безусловное согласие, т. к. это была уже конкретная боевая работа в боевом, а не учебном подразделении. В очередные выходные я уехал в Киев, но вскоре раздался звонок от «Гайдамаки» с предложением прибыть в лагерь — приехал командир взвода. Я быстро собрался и, взяв такси, уехал. Всех кандидатов собрали в клубе. Нас вызывали по одному к командиру взвода. Невысокий, плотный, внимательный взгляд, только необходимые вопросы. Он отсеял практически всех молодых ребят. Ко мне у него лишних вопросов не было. Нам были озвучены требования — все должны стрелять хорошо, поскольку второй номер должен уметь заменить первого. Также были выбраны внештатные помощники, заместитель командира взвода

и командиры отделений, произведена разбивка по отделениям. Мне досталась роль зам. ком. по вооружению. В мои обязанности входило принимать оружие и вести его учет. Опять куча бумажной работы.

С этого начался новый этап жизни в батальоне. Вся 5-я рота вскоре была распределена по уже боевым подразделениям, а командир остался при штабе офицером для связи. «Семерка» также попал во взвод снайперов. Первые стрельбы по два патрона из личной и весьма дорогой винтовки командира взвода. Стреляли из идеального положения — сидя с упора на сто метров. Идеально выстрелили «Семерка» и «Гайдамака». Я просто положил кучность в идеале. Командир взвода собрал всех и вывел вперед «самородков». Так он назвал всех, которые показали лучшие результаты. Сейчас интересно вспоминать, как он сказал: «"Деникин", по сути, дедушка, а положил такую кучность». Безусловно, было радостно прежде всего от сознания того, что ты еще что-то можешь, а значит — в строю.

Нам показывали учебные фильмы, как современные, так и немецкие времен Второй мировой войны, с русским переводом. Очень часто мы засыпали под них. Один из наших ребят — «Мак» — сделал для всего взвода ксерокс книги Вандерера о снайперском искусстве. Замечательное пособие! Я не расставался со своей «Искусство снайпера» Потапова, а дома лежала книга Лобаева «Снайпинг». Все они дополняли друг друга. Во взводе собрались самые разные люди, но мы быстро притерлись, делились опытом, присматривались друг к другу, объединялись в пары. Командир взвода перевел меня из 2-го в 1-й номер. Это означало, что я буду воевать с СВД — снайперской винтовкой Драгунова, а мой второй номер — с автоматом и пистолетом. У нас ставился вопрос так: второй номер ищет цели,

определяет расстояние, сообщает снайперу, в т. ч. дери­вацию, охраняет снайпера, обеспечивает отход. Как я сказал жене в телефонном разговоре: «Сбылась мечта идиота». Мне действительно нравилась эта учеба, хотя как и все остальное военное. Помню волнение при первой разборке винтовки, знакомство с прице­лом ПСО-1. Он имеет всего четырехкратное увеличе­ние, но большего не было.

Помню, как нас срочно собрали для ночной стрель­бы на полигоне в Старе. Тогда впервые лично пооб­щался с Антоном Геращенко. Он подарил нам обычную карту дорог Украины. Погрузились в микроавтобус без номеров и — вперед! На полигоне ждем своей оче­реди. К нам подошел полковник СБУ, который периоди­чески появлялся в батальоне. Невысокий, лет 40—43, подвижный. Показал целый ряд тактических приемов с пистолетом, потом ориентирование по звездам (бла­го, ночь уже наступила). Я видел его и в дальнейшем. Когда к нам приезжали для проведения занятий снай­пера-профи, он просто садился с тетрадью возле нас и учился. Стреляем из АК-47 по еле освещенным ми­шеням. Обратно большой кусок дороги веду микроав­тобус. Навыков терять не надо...

Долгожданное получение оружия! Автоматы и пи­столеты мы получали на месте — со склада части. У нас был уже другой командир взвода — «Буст». Молодой бизнесмен, отец двоих детей. Бросил все и приехал с другого конца света защищать Украину. Внешне мяг­кий, порядочный. Помню, как мы сидели с ним пря­мо на полу возле оружейной комнаты и осматривали автоматы для взвода, принадлежности, ремни. Что касается пистолетов Макарова, то нам вынесли целый ящик и дали возможность выбрать хоть что-то при­личное. Мы вновь занимались этим вдвоем, но не обо-

шлось без ошибок. И вновь осмотр и обмен. Нашлись недовольные тем оружием, которое нам дали. Не буду описывать, каким образом, но благодаря стараниям недовольных, мы все-таки получили 17, если не ошибаюсь, практически новых автоматов и заменили еще несколько пистолетов.

Под оружейную комнату определили палатку, которую мы круглосуточно охраняли. Графики составлял я. Вскоре прибыли и снайперские винтовки полной комплектности, складского хранения. Я вновь принимал каждую. Батарейки для подсветки прицелов, безусловно, все были «убитые», но спасибо за сами винтовки. В это время у нас начали по двое «выдергивать» людей из взвода и отправлять в зону АТО. Естественно, добровольцев. В самом начале я тоже мог уехать досрочно. Но было желание вначале освоить серьезно специальность снайпера хотя бы в те сроки, которые были определены. Поэтому сама постановка вопроса была для меня совершенно непонятной. Я имел беседу еще с первым командиром взвода «Артемом» о возможности дальнейшей службы снайпером, на что он мне ответил: «53 года для снайпера — это не возраст». И все-таки в очередной раз, когда вновь понадобились еще два человека для досрочной отправки, я выразил желание, но получил отказ уже по возрасту. Оказалось, что все, кому старше 49, еще не оформлены. Новые волнения... И новые заверения, что все будут проведены через батальон «Миротворец», а в «Донбасе» мы будем в качестве командированных.

Почти все уже определены в боевые подразделения. Однажды вижу странную картину, казалось бы, невозможную для воинской части. Стоит рота, причем в строю, раздаются какие-то крики, базарная ругань, а командир роты стоит рядом и улыбается. Кстати, ему

прямо говорили и о странном выборе старшины, но он вновь улыбался. Впоследствии оказался храбрым офицером, имеющим опыт еще с Афгана. Я в который раз наблюдал полное отсутствие такого явления, как «офицер» в нашем батальоне. В любой армии после такого грязного скандала был бы очень большой разбор полетов, да и сам скандал был бы невозможен. По сути, каким-то бравым воинам не понравилось, что кто-то не так быстро бегают или еще что-то делает не так, и они им заявили, что вместо них воевать не будут. Мне было в очередной раз горько на душе, поскольку я искренне не понимал, как эта рота пойдет в бой. Не менее хорошо я знал и другое — если сержант приказывает есть землю, значит, солдат должен ее сначала съесть, а уже только потом спросить, зачем это было нужно. Практически никакого значения командиры отделений не имели... Знаю, что многие, читающие эти строки, будут очень недовольны, скажут, что еще один «уставник» нашелся. Да, уставник, да, сторонник порядка и дисциплины, субординации и компетентности. Ничего нового, господа! А всего лишь то, что должно быть в армии. Не надо путать добровольческий принцип комплектования с вольницей и анархией.

Вновь встреча с командиром батальона на собрании офицеров. Уже пошла речь о каком-то особом обращении между военнослужащими батальона. Странно, разве в уставах Нацгвардии это не определено? Остановились на обращении: «Друже командир», «Друже (далее позывной)». Командир батальона был всегда без головного убора. На построениях начштаба всегда отдавал ему честь при отдаче рапорта, согласно Строевому уставу. Когда Семенченко сказал, что надо что-то опять изобрести и, возможно, «даже с этим» (он имел в виду отдавание чести), у меня тогда впервые появилась

мысль о его офицерской компетентности. Поскольку любой нормальный офицер сказал бы: «С отданием чести».

Не менее интересна история с командиром разведроты. Он был из спецназа ГРУ. Этим сказано достаточно много. Помню, как он искал в батальоне таких же и забирал к себе в роту. Высокий, спокойный, с характерной внешностью, так импонирующей его «мушкетерскому» позывному — «Атос». Будучи уже командиром сформированной и вооруженной разведроты батальона, он был снят с должности и ушел из батальона. Суть была в том, что двое бойцов роты сдали оружие вечером не в оружейку своей роты, а соседней. Он не проверил оружие, и получилась «недоста-ча» двух единиц. Это была чистой воды подстава или просто повод для его устранения. Так полагали все, с кем я мог поговорить об этом откровенно. Это для меня было уже серьезно, поскольку для такого офицера можно было бы обойтись и объявлением пусть даже «неполного служебного соответствия», но не терять же таких специалистов! Возможно, тогда впервые я задумался всерьез о компетентности командования батальона, о его дальнейшей судьбе. Если не нужен по сути суперпрофи по разведке, то какие же ваши истинные задачи, господа офицеры? Если вас конечно можно так назвать... После него вообще с разведкой происходили интересные вещи. Я лично присутствовал при разговоре группы разведчиков с начальником штаба батальона. Ему прямо указали на проблемы с командованием и что с таким положением вещей в зоне АТО делать нечего. Не мое дело, но стало совсем грустно. Мне не надо объяснять значение разведки в любой войне всей истории человечества. Вместе с тем при виде огромной роты разведки на плацу возникало

недоумение. Взвода разведки вполне достаточно для обеспечения разведданными батальона в 500 человек, а рота уже обеспечивает полк или бригаду.

Помню, в палатке парень, который служил в легионе, а теперь в нашей разведке, рассказывал мне потрясающие вещи. Какой-то новый инструктор или даже командир (честно — не помню) говорил им, что будет добивать раненых или будет бросать их, ну и прочую чушь. Я объяснил ему, что раненые очень часто составляют головную боль как разведгрупп, так и партизанских отрядов, но их никто не добивает и не бросает. Их тащат до последней возможности. Армия, которая бросает своих раненых, недостойна существования. В общем: «Или глупость, или измена». Если не ошибаюсь, я посоветовал ему обратиться в контрразведку батальона.

Но уходили из батальона и по другим причинам. Увидев суть контрактов, ушли сразу несколько человек с юридическим образованием, пояснив, что контракты юридически ничтожны. Видел это, безусловно, и я, но... тогда не попал бы на войну. Циничность неформления людей в батальоне вряд ли кто-то захочет объяснить и сегодня, а тем более взять на себя ответственность. Легче прикрыться фразами: «Надо было Родину защищать!», забывая о том, что в армии «война войной, но обед — по распорядку».

Снова учеба. Стрельба из СВД по мишеням и шарикам. Уроки маскировки и передвижения в парах к боевой позиции. Выучиваю наизусть деривацию до 800 метров. Дальше с прицелом ПСО-1 полагаю нецелесообразной. Наш инструктор «Иваныч» с боевым опытом говорит нам честно, что против снайпера-профи мы немного стоим. Потом успокаивает, что таких у сепаров немного. Я иногда задумываюсь о возмож-

ных тяжелых уличных боях за Донецк или Луганск, если сепары решат стоять до конца. Накануне присяги попрощались с офицером Нацгвардии, который погиб от пули снайпера в АТО. Он только несколько дней назад уехал туда...

23 июня 2014 года батальон «Донбас» принимал присягу на верность народу Украины. Приехала моя жена, мама с подругой, старший сын, который делал снимки. Весь батальон в строю. Незабываемый из всех воинских ритуалов. Я спрашивал командира взвода: «Ничего, если я буду читать негромко, учитывая мой плохой украинский?». Он прослушал меня и сказал, что украинский у меня не так уж и плох, но могу читать, как найду нужным.

Присяга. Подписываю лист после принятия присяги. На переднем плане — командир взвода снайперов «Буст» (здесь и далее — фото из личного архива).

Все как всегда — каждый с автоматом в положении «на грудь» подходит к столу и читает слова присяги после доклада командиру, расписывается и становится в строй, передавая автомат товарищу, которого вызывает командир взвода. Многие в балаклавах, особенно уроженцы Донбасса, которых немало. Я также в черных очках. Свой позывной услышал не сразу. Мне повторили ребята. Выхожу в первый ряд, беру автомат и подхожу к столу. Докладываю взводному: «Друже командир! Гвардеец “Деникин” для принятия военной присяги прибыл!». Доброжелательная улыбка командира, читаю вполголоса, подписываю, становлюсь в строй. Да, как будто все повторяется, все как тогда в 18 лет.

После присяги к нам подходит большая иностранная делегация. Им все в диковинку, они хотят лично познакомиться с патриотами Украины. С большим удивлением узнают, что порядка 40 человек из 500 неплохо изъясняются на английском, что здесь есть народные депутаты или их сыновья, менеджеры среднего звена, бизнесмены, просто вполне состоявшиеся в своих профессиях люди. Ведь если говорить не в идиотско-современном понимании «состоявшегося человека», которому пачка долларов «жмет ляжку», то токарь 5—6 разряда уже состоявшийся в жизни и профессии человек. Иностранцы долго общаются с нами и уезжают довольно пораженные бойцами «Донбаса».

Встречаюсь с семьей. Вижу, как моя мама говорит о чем-то с Мустафой Найемом. Меня, конечно, все поздравляют, но чувствую, как дрожит рука жены в моей, которую она не выпускает. Я, безусловно, все понимаю, но держусь так, как подобает солдату.

Присяга в Новых-Петровцах. 23 июня 2014 года. Вешаю на грудь автомат.
«Семерка» — на первом плане в балаклаве. Сзади — «Воланд», «Детройт».

В увольнение едем уже вместе с «Семеркой» на его машине через Подол. Он заезжает на свою работу, потом в несколько магазинов с военной одеждой. «Семерка», «мягко» говоря, весьма крупный мужчина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ПРОЛОГ	5
Глава первая. НОВЫЕ ПЕТРОВЦЫ	11
Глава вторая. ВЗВОД СНАЙПЕРОВ	24
Глава третья. НА «БОЛЬНИЧНОМ»	40
Глава четвертая. СНОВА В СТРОЮ	48
Глава пятая. ИЛОВАЙСК	71
Глава шестая. ПЛЕН. ДОНЕЦК	99
Глава седьмая. ПЛЕН. ИЛОВАЙСК	124
ЭПИЛОГ	155
Приложение 1. Памятка по поведению и выживанию в плену у сепаратистов	158
Приложение 2. Мартиролог павших за Украину в батальоне «Донбас»	166